
ГЛАВНЫЕ АФОРИЗМЫ ЭТОЙ КНИГИ

*Война — это акт насилия,
имеющий целью заставить противника
выполнить нашу волю.*

*Политическая цель имеет
тем более решающее значение для масштаба войны,
чем равнодушие относятся к последней массы
и чем менее натянуты в прочих вопросах
отношения между обоими государствами.*

*Никакая другая человеческая деятельность
не соприкасается со случаем так всесторонне
и так часто, как война.*

*Бой — это единственное действие на войне;
в бою уничтожение противостоящих нам
вооруженных сил есть средство,
ведущее к цели.*

*Мужество — благородный инстинкт, который
не допускает своего использования в виде
безжизненного инструмента, проявляющего свое
действие в точно указанном размере.*

ГЛАВНЫЕ АФОРИЗМЫ ЭТОЙ КНИГИ

*Война есть продолжение политики другими,
насильственными средствами.*

*Война не начинается — или, во всяком случае,
не следует, действуя разумно, начинать войну,—
пока не будет установлено, чего мы хотим
достигнуть посредством войны и в течение ее.*

*В первом заключается смысл войны,
второе является ее целью.*

*Теория способна лишь направить
пытливый взгляд на совокупность явлений
и их взаимоотношения и затем отпускает человека
в высшую область действия.*

*Стратегия есть использование боя для целей войны;
следовательно, она должна поставить военным
действиям в целом такую цель, которая
соответствовала бы смыслу войны.*

*Война не есть ни искусство,
ни наука в подлинном смысле слова.*

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Карл Филипп Готтлиб фон Клаузевиц (1780—1831) как офицер принимал участие в наполеоновских войнах; вопреки решению короля Пруссии, заключившего союз с Францией, в 1812 г. перешел на русскую службу. За боевые заслуги император Александр I пожаловал Клаузевицу орден св. Георгия 4-й степени, наградил его золотым оружием «За храбрость» и удостоил звания генерал-майора.

Клаузевиц был далеко не первым, кто писал о войне. Но эти труды рассказывали, как нужно вести войну. Клаузевиц же попытался проникнуть в суть войны, проанализировать ее как социальный феномен. И справился с этой задачей блестяще. Он не просто дал обзор вооруженных конфликтов в истории человечества — он блестяще сформулировал войну как философию, вывел ее законы и определил движущие силы. В результате стратегическое и философское понимание войны оказалось разделенным на «до» и «после» появления книги с простым названием «О войне».

Вот вам и парадокс: не увенчанный мировой славой лидер-полководец, а скромный штабной офицер написал книгу, по которой все последующие поколения самоуверенных генералов и амбициозных политиков будут постигать секреты военного искусства!

«Война есть продолжение политики другими, насильственными средствами» — одного этого чеканного определения было бы достаточно, чтобы обессмертить труд Карла фон Клаузевица. Эта книга остается одним из величайших стратегических исследований в истории, а определенные автором принципы применяются не только для анализа военных действий, но и для формирования стратегий конкурентной борьбы в политике и бизнесе.

ОТ АВТОРА

В наши дни нет надобности доказывать, что понятие о научном не заключается всецело или преимущественно в системе и в ее законченном ученом построении. В нашем изложении на первый взгляд нельзя найти никакой системы, а вместо законченного ученого построения для него имеются только отдельные части.

Научная форма заключается здесь в стремлении исследовать сущность явлений войны и показать их связь с природой элементов, из которых они состоят. Философские заключения не избегались, но в тех случаях, когда связь доходила до крайне тонкой нити, автор предпочитал ее обрывать и снова прикреплять к соответствующим явлениям опытного порядка. Подобно тому как некоторые растения приносят плоды лишь при условии, что они не слишком высоко вытянули свой стебель, так и *в практических искусствах листья и цветы теории не следует гнать слишком вверх, но держать их возможно ближе к их родной почве — реальному опыту.*

Бесспорно, было бы ошибкой пытаться узнать строение колоса по химическому составу пшеничного зерна; ведь вполне достаточно выйти в поле, чтобы увидеть готовый колос.

•

*Исследование и наблюдение,
философия и опыт никогда
не должны относиться друг
к другу с пренебрежением или
отрицанием: они поддерживают
друг друга.*

•

Логические построения, содержащиеся в этой книге, опираются небольшими сводами присущей им необходимости на внешние точки опоры — опыт или понятие сущности войны; таким образом, построения эти не лишены устоев.

Написать систематическую, глубокую и содержательную теорию войны, может быть, и возможно, но все появившиеся до сих пор теории далеки от этого идеала. Не говоря уже об их полной ненаучности, надо признать, что в их стремлении к связанности и законченности системы они переполнены избитыми положениями, общими местами и всякого рода пустословием.

Дабы не отпугнуть читателя, обладающего живым умом, такими общими местами и не обезвкусить водянистыми рассуждениями те немногие хорошие мысли, которые заключены в настоящей книге, автор предпочел сообщить в форме небольших зерен чистого металла то, чего он достиг в итоге многолетних размышлений о войне, общения с людьми, знакомыми с военным делом, и разнообразного личного опыта. Так возникли внешне слабо связанные между собой главы этой книги, которые, однако, надо надеяться, не лишены внутренней связи. Может быть, скоро появится более могучая голова, которая, вместо отдельных зерен, даст единый слиток чистого металла без примеси шлака.

ПРИРОДА ВОЙНЫ

ГЛАВА I. ЧТО ТАКОЕ ВОЙНА?

1. Введение

Мы предполагаем рассмотреть отдельные элементы нашего предмета, затем отдельные его части и наконец весь предмет в целом, в его внутренней связи, т. е. переходить от простого к сложному. Однако здесь, больше чем где бы то ни было, необходимо начать со взгляда на сущность целого (войны): в нашем предмете, более чем в каком-либо другом, вместе с частью всегда должно мыслиться целое.

2. Определение

Мы не имеем в виду выступать с тяжеловесным государственно-правовым определением войны; нашей руководящей нитью явится присущий ей элемент — единоборство.

Война есть не что иное, как расширенное единоборство. Если мы захотим охватить мыслью, как одно целое, все бесчисленное множество отдельных единоборств, из которых состоит война, то лучше всего вообразить себе схватку двух борцов. Каждый из них стремится при помощи физического насилия принудить другого выполнить его волю; его ближайшая цель — сокрушить противника и тем самым сделать его неспособным ко всякому дальнейшему сопротивлению.

Итак,

•
*война — это акт насилия,
имеющий целью заставить
противника выполнить
нашу волю.*
•

Насилие использует изобретения искусств и открытия наук, чтобы противостоять насилию же. Незаметные, едва достойные упоминания ограничения, которые оно само на себя налагает в виде обычаев международного права, сопровождают насилие, не ослабляя в действительности его эффекта.

Таким образом, физическое насилие (ибо морального насилия вне понятий о государстве и законе не существует) является *средством*, а *целью* будет — навязать противнику нашу волю. Для вернейшего достижения этой цели мы должны обезоружить врага, лишить его возможности сопротивляться.

Понятие о цели собственно военных действий и сводится к последнему. Оно заслоняет цель, с которой ведется война, и до известной степени вытесняет ее как нечто, непосредственно к самой войне не относящееся.

3. Крайняя степень применения насилия

Некоторые филантропы могут, пожалуй, вообразить, что можно искусственным образом, без особого кровопролития обезоружить и сокрушить и что к этому де

именно и должно тяготеть военное искусство. Как ни соблазнительна такая мысль, тем не менее она содержит заблуждение и его следует рассеять.

•
*Война — дело опасное,
и заблуждения, имеющие своим
источником добродушие,
для нее самые пагубные.*
•

Применение физического насилия во всем его объеме никоим образом не исключает содействия разума; *поэтому тот, кто этим насилием пользуется, ничем не стеснясь и не щадя крови, приобретает огромный перевес над противником, который этого не делает.* Таким образом, один предписывает закон другому; оба противника до последней крайности напрягают усилия; нет других пределов этому напряжению, кроме тех, которые ставятся внутренними противодействующими силами.

Так и надо смотреть на войну; было бы бесполезно, даже неразумно из-за отвращения к суровости ее стихии упустить из виду ее природные свойства.

Если войны цивилизованных народов гораздо менее жестоки и разрушительны, чем войны диких народов, то это обуславливается как уровнем общественного состояния, на котором находятся воюющие государства, так и их взаимными отношениями. Война исходит из этого общественного состояния государств и их взаимоотношений, ими она обуславливается, ими она ограничивается и умеряется. Но все это не относится к подлинной сути войны и притекает в войну извне. *Введение принципа*

ограничения и умеренности в философию самой войны представляет полнейший абсурд.

Борьба между людьми проистекает в общем счете из двух совершенно различных элементов: из враждебного чувства и из враждебного намерения. Существенным признаком нашего определения мы выбрали второй из этих элементов как более общий.

Нельзя представить даже самого первобытного, близкого к инстинкту, чувства ненависти без какого-либо враждебного намерения; между тем часто имеют место враждебные намерения, не сопровождаемые абсолютно никаким или, во всяком случае, не связанным с особо выдающимся чувством вражды. У диких народов господствуют намерения, возникающие из эмоции, а у народов цивилизованных — намерения, обуславливаемые рассудком.

Однако это различие вытекает не из существа дикого состояния или цивилизации, а из сопровождающих эти состояния обстоятельств, организации и проч. Поэтому оно может и не иметь места в отдельном случае, но большей частью оно оказывается налицо; словом, и цивилизованные народы могут *воспылать взаимной ненавистью*.

Отсюда ясно, как ошибочно было бы сводить войну между цивилизованными народами к голому рассудочному акту их правительств и мыслить ее как нечто все более и более освобождающееся от всякой страсти. В последнем случае достаточно было бы оценить физические массы противостоящих вооруженных сил и, не пуская их в дело, решить спор на основе соотношения между ними, т. е. подменить реальную борьбу решением своеобразной алгебраической формулы.

Теория двинулась уже было по этому пути, но последние войны¹ излечили нас от подобных заблуждений. Раз война является актом насилия, то она неминуемо вторгается в область чувства. Если последнее и не всегда является ее источником, то все же война более или менее тяготеет к нему, и это «более или менее» зависит не от степени цивилизованности народа, а от важности и устойчивости враждующих интересов.

Таким образом, если мы видим, что цивилизованные народы не убивают пленных, не разоряют сел и городов, то это происходит оттого, что в руководство военными действиями все более и более вмешивается разум, который и указывает более действенные способы применения насилия, чем эти грубые проявления инстинкта.

Итак, мы повторяем свое положение:

•
*война является актом
насилия, и применению его нет
предела; каждый из борющихся
предписывает закон другому;
происходит соревнование,
которое теоретически
должно было бы довести обоих
противников до крайностей.*

•

В этом и заключается первое взаимодействие и первая крайность, с которыми мы сталкиваемся.

¹ Т. е. Наполеоновские. (Здесь и далее, если не указано иное, — примечания редакции.)

4. Цель военных действий — лишить противника возможности сопротивляться

Выше мы отметили, что задача военных действий заключается в том, чтобы обезоружить противника, лишить его возможности сопротивляться. Теперь покажем, что это определение является необходимым для теоретического понимания войны.

Чтобы заставить противника выполнить нашу волю, мы должны поставить его в положение более тяжелое, чем жертва, которую мы от него требуем; при этом, конечно, невыгоды этого положения должны, по крайней мере на первый взгляд, быть длительными, иначе противник будет выжидать благоприятного момента и упорствовать.

Таким образом, всякие изменения, вызываемые продолжением военных действий, должны ввести противника в еще более невыгодное положение; по меньшей мере таково должно быть представление противника о создавшейся обстановке. *Самое плохое положение, в какое может попасть воюющая сторона, — это полная невозможность сопротивляться.*

Поэтому, чтобы принудить противника военными действиями выполнить нашу волю, мы должны фактически обезоружить его или поставить в положение, очевидно угрожающее потерей всякой возможности сопротивляться. Отсюда следует, что цель военных действий должна заключаться в том, чтобы обезоружить противника, лишить его возможности продолжать борьбу, т. е. сокрушить его.

Война не может представлять действия живой силы на мертвую массу, и при абсолютной пассивности одной

стороны она вообще немыслима. Война всегда является столкновением двух живых сил; поэтому конечная цель военных действий (сокрушение противника) должна иметься у обеих сторон. Таким образом, мы опять встречаемся с процессом взаимодействия.

•

*Пока противник не сокрушен,
я должен опасаться, что он
сокрушит меня; следовательно,
я не властен в своих действиях,
потому что противник мне
диктует законы точно так же,
как я диктую ему их.*

•

Это и есть второе взаимодействие, приводящее ко второй крайности.

5. Крайнее напряжение сил

Чтобы сокрушить противника, мы должны соразмерить наше усилие с силой его сопротивления; последняя представляет результат двух тесно сплетающихся факторов: *размера средств, которыми он располагает, и его воли к победе.*

Размер средств противника до некоторой степени поддается определению (хотя и не вполне точному), потому что здесь все сводится к цифрам. Гораздо труднее учесть его волю к победе; мерилom здесь могут быть только побуждения, толкающие противника на войну.

Определив указанным способом (с известной степенью вероятности) силу сопротивления противника, мы соразмеряем наши силы и стремимся достичь перевеса или, в случае невозможности этого, доводим их до наивысшей, доступной нам степени. Но к тому же стремится и наш противник; отсюда вновь возникает соревнование, заключающее в самом своем понятии устремление к крайности. Это составляет третье взаимодействие и третью крайность, с которыми мы сталкиваемся.

6. Мера действительности

Витая в области отвлеченных понятий, рассудок нигде не находит пределов и доходит до последних крайностей. И это вполне естественно, так как он имеет дело с крайностью — с абстрактным конфликтом сил, предоставленных самим себе и не подчиненных никаким иным законам, кроме тех, которые в них самих заложены.

Поэтому если бы мы захотели взять отвлеченное понятие войны как единственную отправную точку для определения целей, которые мы будем выдвигать, и средств, которые мы будем применять, то мы непременно, при наличии постоянного взаимодействия между враждующими сторонами, попали бы в крайности, представляющие лишь игру понятий, выведенных при помощи едва заметной нити хитроумных логических построений.

Если, строго придерживаясь абсолютного понимания войны, разрешать одним росчерком пера все затруднения и с логической последовательностью придерживаться того взгляда, что необходимо быть всегда готовым встретить крайнее сопротивление и самим развивать крайние усилия,

то такой росчерк пера являлся бы чисто книжной выдумкой, не имеющей никакого отношения к действительности.

Если даже предположить, что этот крайний предел напряжения есть нечто абсолютное, которое легко может быть установлено, то все же приходится сознаться, что человеческий дух с трудом подчинился бы таким логическим фантазмагориям. Во многих случаях потребовалась бы бесполезная затрата энергии; она встретила бы противовес в других принципах государственной политики; *явилась бы надобность в таком усилии воли, которое не находилось бы в соответствии с намеченной целью, а потому и не могло бы быть достигнуто, ибо человеческая воля никогда не черпает своей силы из логических ухищрений.*

Совершенно иная картина представляется в том случае, когда мы от абстракции перейдем к действительности. В области отвлеченного над всем господствовал оптимизм. Мы представляли себе одну сторону такой же, как и другая. Каждая из них не только стремилась к совершенству, но и достигла его. Но возможно ли это в действительности?

Это могло бы иметь место лишь в том случае:

1) если бы война была совершенно изолированным актом, возникающим как бы по мановению волшебника и не связанным с предшествующей государственной жизнью;

2) если бы она состояла из одного решающего момента или из ряда одновременных столкновений;

3) если бы она сама в себе заключала окончательное решение, т. е. заранее не подчинялась бы влиянию того политического положения, которое сложится после ее окончания.